

РЕВОЛЮЦИЯ В ВОСПИТАНИИ: ДИСКУССИЯ 1920-30-XX ГОДОВ

Князев Е.А.

Россия, ГИТИС

evknyazev@gmail.com

Столетие назад, когда кино и телевидение еще не обрели статус важнейших факторов социализации, основное влияние на воспитание большинства детей оказывали народные сказки. Новые власти в 1917 г. решительно трансформировали ситуацию, чтобы отнюдь не традиционные волшебные персонажи минувшего способствовали формированию новых поколений строителей социализма. «Положение о единой трудовой школе РСФСР», одобренное съездом по народному образованию и утвержденное ВЦИК в 1918 г., положило начало трансформации в образовании. В нем провозглашалось: «основой школьной жизни должен служить производительный труд... не только как метод преподавания, но именно как производительный, общественно необходимый труд. Школа является школьной коммуной, тесно и органически связанной своим трудовым процессом с окружающей жизнью» [1. с. 202].

На основе принципа доступности для всех, вне зависимости от социальной, национальной или дискриминации по принципу пола А.В. Луначарский намеревался осуществить создание единой системы просвещения. Отрицая классическое или реальное образование, новая система должна была формировать «новых людей», владеющих конкретной специальностью, для будущего социалистического строя. Вместо старой «оторванной от жизни» «школы учебника и зубрёжки», в системе просвещения РСФСР, тесно связанной с производством, вводились методы обучения, лабораторные опыты, моделирование и другие виды ученического творчества. Революционно отрицая внешнее бюрократическое управление, школа должна была управляться коллективом учителей, совместно со старшеклассниками и при участии родителей.

Выступавший за пролетаризацию вузов, за создание рабочих факультетов, заместитель наркома Просвещения М.Н. Покровский отстаивал право рабочих получать образование без отрыва от производства. Покровский предложил тезисы реформы: 1) бесплатность обучения; 2) отказ от дипломов как условия для вступления в университет, так и в качестве документа, выдаваемого после его окончания; 3) отказ от ученых степеней как условия занятия кафедры; 4) обязательный, открытый для всех конкурс при замещении кафедры; 5) выборность профессуры на срок не более 5 лет; 6) коллегиальность управления как университетом, так и отдельными его учреждениями; 7) обязательное участие учащихся в управлении университетом; 8) обязательное участие университетов в распространении научного образования среди народных масс; 9) создание факультетов общественных наук для распространения научного социализма, а равно знакомства с основными принципами советского управления; 10) преобразование учебных планов в соответствии с требованиями народного хозяйства и теми переменами, какие произошли в стране; 11) широкий обмен учеными и учебными силами между университетами; 12) автономия университета. При обсуждении тезисов в Политбюро Центрального Комитета большевистской партии В.И. Ленин решительно отверг требование автономии высшей школы. Вслед за этим выдвинул лозунг «милитаризации» высшей школы, чтобы нацелить науку на решение задач советской власти [1 с. 129-130].

В Программе РКП (б) (1919) поставлена задача «выковать» молодежь, способную окончательно установить коммунизм, при этом особую роль власти уделяли литературе в процессе воспитания. С одной стороны, при Наркомпросе РСФСР (1919) создана комиссия по чтению, и первый в мире Институт детского чтения (1920), организованный А.У. Зеленко, А.К. Покровской, Н.В. Чеховом и другими участниками просветительского Грибоедовского кружка. При этом, Декрет о революционном трибунале печати (1918) признавал относившимися к преступлениям и проступкам «всякие сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни, поскольку они являются посягательством на права и интересы революционного народа» [1. с. 202]. Для формирования новой интеллектуальной элиты в 1921 г. был создан Институт красной профессуры. Число учащихся в вузах всех типов возросло с 134 тыс. в 1917 г. до 672 тыс. в 1939 г. Н.И. Бухарин в 1925 г. заявил, что мы будем «штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике». Происходил процесс становления и развития «пролетарской интеллигенции» из молодых людей, которым советская власть предоставила шанс изменить свой социальный статус.

Новый этап революции в образовании начался с 1923 г.: школа должна воспитывать классовое марксистское мировоззрение: «нет грамоты без коммунизма». [1. с. 132] Внедрение

комплексного и проектного методов обучения способствовало политизации обучения. «В СССР впервые в истории школа ставит одной из своих задач борьбу с религией, школой становится антирелигиозной». Обучение становится привилегией детей трудящихся. В ст. 26. Устава единой трудовой школы от 1923 г. говорилось: «Доступ в единую трудовую школу 1 и 2 ступени открыт для всех детей школьного возраста от 8 до 17 лет. В случае, когда развитие школьной сети не позволяет принять в школу всех детей, преимущество при приеме отдается детям трудящихся».

На совещании, посвященном интеллигенции в Московском Комитете ВКП (б) в 1925 г., Луначарский в докладе заявил, что «отштампованных взглядов на судьбы интеллигенции у нас нет». Есть цель: «убеждение или принуждение» интеллигенции работать с пролетариатом». Сославшись на Ленина, нарком сказал, «если убеждение не действует, то надо принуждение». По данным П.Н. Милюкова первая перепись населения СССР 1926 г. показала, что только 5 млн. человек «ликвидировали безграмотность», обучение грамоте велось так же, как и до 1917 г. В начале 1930-х гг. появился новый: «Кадры решают все!». Осуществление планов пятилетки и комплекс мер по трансформации системы высшей и средней школы оказались взаимоувязаны. Политика ВКП(б) в области высшей школы характеризовалась строжайшим контролем и над составом студентов и преподавателей, и над содержанием преподавания, ибо власти воспринимали высшую школу как цитадель «буржуазной» интеллигенции. Путем «завоевания вузов» вместо старых кадров поставлена задача создать новую «советскую интеллигенцию». В борьбе с тенденциями автономии утверждалась право ВКП регулировать жизнь вузов: так в масштабах всей страны осуществлялся массовый захват системы высшей школы. На основе «классового подхода» в борьбе с «пережитками автономии», т.е. профессорами с дореволюционным стажем, повсеместно применялись жесткие средства проверки социального происхождения и политической грамотности студентов, чтобы «классовочуждые», «лишенцы», т.е. выходцы из непролетарских сословий, не смогли занять места в «пролетарских вузах» страны, строящей социализм в кольце империалистических врагов[1. с. 134].

В вузах получила развитие система рабфаков, студенческие места в первую очередь были предназначены активным членам партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, при таком классовом подходе уровню подготовки не уделялось должного внимания. С опорой на кадры пролетарского студенчества руководство ВКП(б) осуществляло авторитарную контрреформу системы высшей школы в виде слома «сопротивления буржуазной профессуры» и таких «пережитков», как научный характер формирования содержания высшего образования.

Наркомпрос в своих инструкциях призывал решительно отречься от старой буржуазной и утвердить новую пролетарскую идеологию в процессе воспитания в школе, высшей школе и в литературе [2. с. 125]. На III-м Всероссийском съезде по воспитанию в 1924 г. провозгласили классовый подход в педагогике, что означало трансформацию: целей, ценностей, содержания, форм, методов и способов, всего комплекса учебно-воспитательной деятельности. Нарком просвещения А.В. Луначарский подчеркивал, что воспитательная работа обязательно должна начинаться в самом раннем возрасте, ибо становление и развитие нового человека предполагает новые рефлексии, новые склонности. В дошкольном возрасте можно человека лепить и гнуть, а в подростковом возрасте — только ломать, а дальше человек уже застывает, костенеет». [3, с.123]. Общественное воспитание ребенка требовали начинать с раннего возраста, когда легче «лепить и гнуть», чтобы выработать из них коллективно мыслящее и действующее поколение, чтобы заложить прочную базу реакций эмоционального и волевого характера на различные воздействия жизни.

Политическая кампания по борьбе с пережитками феодального и буржуазного сознания развернулась в начале 1920-х годов. Осмысливая влияние литературы на формирование взглядов подрастающего поколения, Н.К. Крупская отмечала, что старые произведения литературы содержат буржуазную идеологию, которая оказывает негативное влияние на молодого читателя. Вскоре трактовка формулировки о «ложных или извращенных сведениях о явлениях общественной жизни» стала использоваться весьма широко и отчасти неожиданно в вопросах воспитания. Власти взялись за дело с революционной нетерпимостью, так «Инструкция политико-просветительского отдела Наркомпроса о пересмотре каталогов и изъятии устаревшей литературы из общественных библиотек» (1920) приказывала как устаревшие и ненужные для пролетарского читателя выбросить из библиотек лучшие книги русской и мировой литературы.

Особой темой нападок стало народное творчество, утверждалось, будто адресованная «примитивному славянину» сказка — «символ грубых языческих суеверий, культа физической силы, хищности и пассивного устремления от живой жизни с ее насущными требованиями в

область мечтаний» [2, с.10]. В 1924 г. председатель Главполитпросвета при Наркомпросе Н.К. Крупская составила списки из 97 имён запрещенных детских писателей, из детских библиотек изъяли народные сказки и «Аленький цветочек» Аксакова. Рьяные борцы за пролетарскую педагогику запретили сказку П.П. Ершова «Конек Горбунок»: «По части воспитательной для детей в ней все от реакционного и непедagogического, – здесь все по царю мерится и по боярам. Восхваляется «Царь-надежда», которого, конечно, народ встречает восторженным «ура». На с. 42 – даже порнография – царь, «старый хрен», жениться хочет: «Вишь, что старый хрен затеял: хочет жать там, где не сеял! Полно, лаком больно стал!» На основании вышеизложенного считаю «Конек-Горбунок» к выходу в свет нежелательным, если не недопустимым» (1922) [1, с.134]. Радикальные идеологи запретили издавать «Курочку Рябу», однако, развернулась дискуссия, по итогам которой сказку все-таки разрешили напечатать в числе книг для чтения, предназначенных для первых классов сельских школ. Однако «сверху» последовало указание: «Дело педагогов — объяснить детям, что золотых яиц куры не несут, и деревенские дети сами это прекрасно знают» [1, с.156].

Н.К.Крупская разрабатывала концепцию воспитания, в 1929 г. она назначена заместителем наркома просвещения РСФСР, и на этом посту она сформулировала основную задачу советской педагогики: «Школа должна не только обучать, она должна быть центром коммунистического воспитания», ибо «необходимой предпосылкой социализма является человек, способный осуществить социализм». «Мы желаем воспитывать культурного советского рабочего. Следовательно, мы должны дать ему образование, желательно среднее, мы должны дать ему квалификацию, мы должны его дисциплинировать, он должен быть политически развитым и преданным членом рабочего класса, комсомольцем, большевиком», – писал А.С.Макаренко. Он утверждал, что армейский коллектив представляет собой идеальную модель школы, которая будет воспитывать «культурного советского рабочего». «Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно», – считал педагог.

Если Саратовский «Бесплатный театр для детей пролетариата и крестьян имени вождя рабоче-крестьянской революции В. И. Ленина» в 1918 г. открывался спектаклем «Синяя птица» по пьесе М. Метерлинка, а детский театр в Краснодаре открылся в 1920 г. пьесой-сказкой «Кошкин дом» С. Я. Маршака, то в середине 1920-х годов ставятся уже другие пьесы для детей: «Аул Гидже» Н. Я. Шестакова; «Будь готов!», «Ванин детский сад», «Негритенок и обезьяна» С.Г. Розанова; «Винтовка 492116» А. А. Крона; «Сёмка-Жар» О. В. Рудаковой; «Колька Ступин» С. А. Ауслендера и А.А. Солодовникова; «Тимошкин рудник» Л. Ф. Макарьева; «Черный Яр» А. Н. Афиногенова по мотивам одноименной повести Л. И. Гумилевского.

Наступление велось по всем фронтам, и одновременно с развернувшейся борьбой со сказками в 1922 г. власти начали кампанию по замене Рождества Христова на «коммунистические святки», чтобы дети начали праздновать революционные праздники. В 1925 г. началось искоренение религиозных традиций, и к 1929 г. окончательно запретили и отменили празднование Рождества, при этом попала под запрет новогодняя ёлка, идеологически неподходящая насущным задачам пролетарского воспитания. Нарядить на Новый год елочку в школах и в домашних условиях призвалось «идеологически чуждым» контрреволюционным актом, ибо новый год следует отмечать 7 ноября в годовщину октябрьского переворота. С введением в 1929 г. революционного календаря с пятидневной неделей, воскресенья сделались рабочими днями и уничтожился семидневный недельный цикл, признанный церковным, однако, на самом деле он восходил к открытиям древней Шумерской цивилизации.

В середине 1930-х кампания по борьбе с миром фантазии постепенно завершилась, «сверху» поступили распоряжения снять суровые запреты, детям разрешили читать и смотреть спектакли и экранизации, созданные по традиционным сказочным сюжетам: «Три толстяка» Юрия Олеши (1928), «Золотой ключик, или Приключения Буратино» Алексея Толстого (1936), «Кукольный город» (1939), «Тень» (1940), «Сказка о потерянном времени» (1940), «Дракон» (1944) и Тамары Габбе «Город мастеров, или Сказка о двух горбунах» (1943).

Член ЦК ВКП(б) П.П. Постышев в «Правде» от 28.12. 1935 г. опубликовал статью о праздновании вместо Рождества Нового года, который ранее признали «поповщиной». «Почему у нас школы, детские дома, ясли, детские клубы, дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятишек трудящихся Советской страны? Какие-то, не иначе как «левые» загибщики ославили это детское развлечение как буржуазную затею». Ставшая важным атрибутом Новогоднего праздника елка вернулась в СССР в канун 1937 г. Радикальные новшества настолько

противоречили сложившимся обычаям народной культуры, что властям пришлось восстановить традиционный календарь, разрешить праздновать Новый год и вернуть детям елку.

Литература

1. Князев Е.А. История отечественного образования и педагогики. М., 2018.
2. Крупская Н.К. Вопросы, стоящие перед IV Съездом дошкольного воспитания //Пед. сочинения: в 10 т. М., 1959. Т.6.
3. Луначарский А.В. О детской литературе, детском и юношеском чтении. М., 1985.